Д. В. БУБРИХ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК · 1947

КАРЕЛО-ФИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д. В. БУБРИХ

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА

повесть о союзнике и друге русского народа на севере

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК · 1947

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. Догосударственный период истории Балтийско-беломорского севера

1. Древние прибалтийские финны в I тысячелетии до н. э. 10
2. Древние прибалтийские финны до эпохи возникновения Русского государства 12
3. Состав древних прибалтийско-финских племен к эпохе возникновения Русского государства 13

II. Государственный период истории Балтийско-беломорского севера

1. Возникновение Русского государства 19
2. Перемены в среде прибалтийских финнов в связи с возникновением Русского государства 21
3. Чудь 23
4. Деяния Чуди 26
5. Корела до середины XII в. 31
6. Корела до конца XVI в. 33
7. Начало „исхода" Корелы на русские земли . . . 37
8. События XVII в. Завершение „исхода" Корелы на русские земли 41
9. Ход формирования карельского народа 44
10. Карельский народ в позднейшие времена . . . 47
11. Карельский народ и Русское государство . . . 48

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросы истории Балтийско-беломорского севера привлекают все большее внимание советской науки. Эти вопросы являются не только вопросами „чистой истории", но и вопросами, прямо затрагивающими отношения наших дней.

Советские ученые сделали немало и в области освещения документальной истории Балтийско-беломорского севера, и в области обнаружения и исследования материальных остатков древности в этих местах, и в области изучения отражений древности этих мест в устном народном творчестве. За последние семнадцать лет в эту работу включились и советские лингвисты.

Язык, как это показал Ф. Энгельс в своей замечательной работе „Франкский диалект", является чрезвычайно важным источником познания седого прошлого. Схождения и расхождения сельских диалектов, относящиеся к разным эпохам, раскрывают ясные картины передвижений человеческих групп, их перетягиваний с одних мест на другие, их сосредоточений на тех или других местах, их производительной деятельности, их обменно-торговых отношений, их тяготений к тем или другим административным, экономическим, культурным центрам, их вхождения в те или другие территориальные объединения, их борьбы на границах государств и т. д.

Для уяснения вопроса о происхождении карельского народа громадное значение имело изучение карельских сельских диалектов. Оно у нас началось с 1930 г., но особенно развернулось с 1937 г. В начале этого года нами была составлена большая (около 2000 вопросов)

„Программа для собирания материала для диалектологического атласа карельского языка“. Будучи напечатана непосредственно после составления, эта „Программа“ легла в основу экспедиционных работ, проводившихся силами тогдашнего Карельского научно-исследовательского института при участии работников Института языка и мышления имени Н. Я. Марра Академии наук СССР. К осени 1937 г. было изучено 150 селений Карелии. После этого нами, по поручению Института языка и мышления, при технической помощи со стороны студентов-финноугроведов Ленинградского государственного университета, была начата обработка собранного материала. Наиболее трудоемкой стороной работы была проверка полученных данных, для чего использовались, кроме контрольного аппарата самой „Программы“, сверка со всеми другими доступными материалами по карельскому языку и корреспондирование с местами. К началу 1938 г. было составлено около 300 диалектологических карт. В дальнейшем было изучено еще 50 селений Карелии и некоторое количество селений Калининской области, где тоже живут карелы. На Всесоюзной конференции диалектологов, состоявшейся в Вологде в июле 1944 г., работы по карельской диалектологии получили самую лестную оценку. Работа продолжается. В издании Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР вышло второе, пополненное издание „Программы“. Уже сейчас состояние работы таково, что позволяет делать важные выводы от фактов карельских диалектов к фактам истории карельского народа, а по его связям с другими народами — к фактам истории этих других народов.

История Балтийско-беломорского севера постепенно раскрывает свои тайны. К тому, что установила наука прежних лет, добавляется много нового. О многом, что раньше было погружено в полную темноту, теперь можно судить твердо и уверенно. Многое выступает в совершенно новом свете. Особенно это касается государственного периода истории Балтийско-беломорского севера — того самого периода, который определяет отношения наших дней.

* * *

Принято думать, что современный карельский народ — это просто продолжение древнего племени Корелы (Karjala). Нет ничего наивнее и ошибочнее этой точки зрения.

Между современными народами и древними племенами разница не только в ступени общественно-хозяйственного развития, но и в этническом составе. Границы между древними племенами в современных народах вообще сбиты. Очень часто древние племена в современных народах слиты и смешаны. Нередко древние племена разбиты между разными современными народами, так что одни их части отошли к одному современному народу, а другие к другому. Это совсем не исключает того, что сплошь и рядом название какого-нибудь древнего племени продолжается в названии современного народа. В таких случаях перед нами перенесение названия с одного предмета на другой.

Соотношение древних племен с современными народами можно показать хотя бы на примере финского народа. В состав этого народа вошли древнее племя Suomi (Сумь), древнее племя Häme (Ямь или Емь) и две части древнего племени Karjala (Корела), именно та часть, которая в свое время обитала у озера Сайма, и та часть, которая обитала у Выборгского залива. Название племени Suomi при этом оказалось перенесено на весь финский народ.

Карельский народ — не исключение из правила. Он тоже составился из различных элементов. В его состав вошли основные части древнего племени Karjala (Корела) и важные части древнего племени Vepsä (Весь). Название племени Karjala при этом оказалось перенесено на весь карельский народ.

Непонимание сложности происхождения карельского народа было вполне естественно до тех пор, пока мало знали о древнем племени Vepsä (Весь). Сто с небольшим лет тому назад знали только то, что на первых страницах летописи упоминается некое племя Весь. Об этом племени судили так же, как, например, о древнем племени Меря: было, мол, но растворилось среди русских. Однако наш академик А. М. Шегрен открыл живых продолжателей Веси в лице вепсов — маленького народа, обитающего частью к югу от р. Свири, а частью к северу от нее на берегу Онежского озера. С этого момента уже можно было ставить вопрос, не вошли ли некоторые части древней Веси в состав карельского народа. Но такой вопрос ставился только разве применительно к карелам-людикам, протянувшимся узкой полосой вблизи западного берега Онежского озера. Их

речь совсем мало отличается от речи вепсов и резко отличается от речи собственно-карел. Что касается карел-ливвиков, обитающих у берега Ладожского озера и дальше вглубь Олонецкого перешейка до стыка с карелами-людиками, то применительно к ним названный вопрос вообще не ставился. А между тем их речь обнаруживает (и в фонетике и, особенно, в морфологии и синтаксисе, не говоря уже о словаре) больше общностей с речью вепсов, чем с речью собственно-карел. С языковой точки зрения связь не только карел-людиков, но и карел-ливвиков с древней Весью совершенно очевидна. Это, конечно, не исключает того, что в состав карел-людиков вошло небольшое количество элементов древней Корелы, а в состав карел-ливвиков даже довольно много таких элементов.

Языковые данные находят прямое подтверждение в археологических данных. Уже давно раскопки обнаруживали связь населения, обитавшего в конце 1 тысячелетия в районе Онежского озера, с местами между Свирью и Волховом. Замечательные раскопки В. И. Равдоникаса обнаружили связь населения, обитавшего в конце 1 тысячелетия восточнее Ладожского озера (в низовьях р.р. Олонки и Видлицы), с теми же местами между Свирью и Волховом. Ясно, что Олонецкий перешеек впервые подвергся интенсивной колонизации вовсе не со стороны Карельского перешейка, а со стороны мест между Свирью и Волховом, — а эти последние места являлись „колыбелью" Веси.

Как только в поле нашего зрения входит и древняя Весь, наши представления об истории карельского народа начинают перестраиваться. Начинают перестраиваться и наши представления вообще об исторических судьбах населения к востоку от меридиана Ладожского озера. Добываются положения исключительного интереса. Разве не интересно, например, что две трети карельского населения Карело-Финской ССР, именно карелы-людики и карелы-ливвики, по происхождению в основном Весь, связаны с Русским государством не с середины XII в., а с IX в.?

* * *

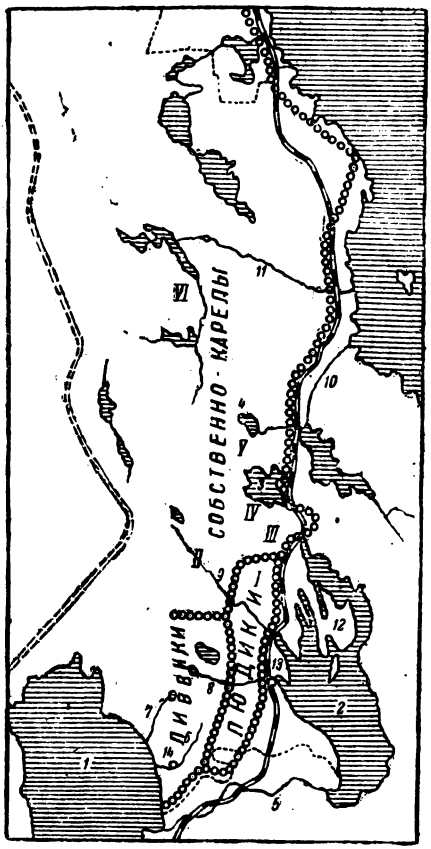
Настоящий очерк излагает в популярной форме то, что в более специальной или совсем специальной форме излагают другие наши работы, находящиеся в печати.

Будучи рассчитан на широкого культурного читателя, очерк избегает специальных выкладок. Некоторые лингвистические указания, требующие не столько специальных знаний, сколько заинтересованности в лингвистической стороне вещей, вынесены в примечания. Обойтись совсем без этих лингвистических указаний невозможно, так как лингвистическая сторона вещей весьма существенна.

Для изображения нерусских слов и звуков в очерке обычно применяется латинский алфавит, как он используется в финском литературном письме, с добавлением следующих русских букв: **ж**, **з**, **ц**, **ч**, **ш**, а также (для обозначения древнеславянских „глухих" гласных) **ъ**, **ь**, равно как значка мягкости **'**. Для изображения некоторых звуков используются комбинированные написания.

Очерк начинается с некоторых данных по догосударственной истории Балтийско-беломорского севера (поскольку эти данные нужны для дальнейшего), а затем дает картину исторического развития Балтийско-беломорского севера в государственный период. В соответствии со сложностью происхождения карельского народа рамки изложения взяты несколько более широкие, чем это было принято в соответствующих случаях до сих пор.

КАРТА 1. КАРЕЛЫ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР



○○○○○ Границы групп карел. Озера: 1. Ладожское. 2. Онежское. 3. Сеговеро. 4. Ондозеро. Реки: 5. Свирь. 6. Олонка. 7. Видлица. 8. Шуя (южн.). 9. Суна. 10. Выг. 11. Кемь. Полуостров: 12. Заонежье. Города: 13. Петрозаводск. 14. Олонец.

I. Самоназвание — Люди, название южан (вепсов) — Вепся, название северян (II и т. д.) — Лаппи.

II. Самоназвание — Люди, в следах — Лаппи, название южан (I) — Вепся, название северян (III и т. д.) — Лаппи.

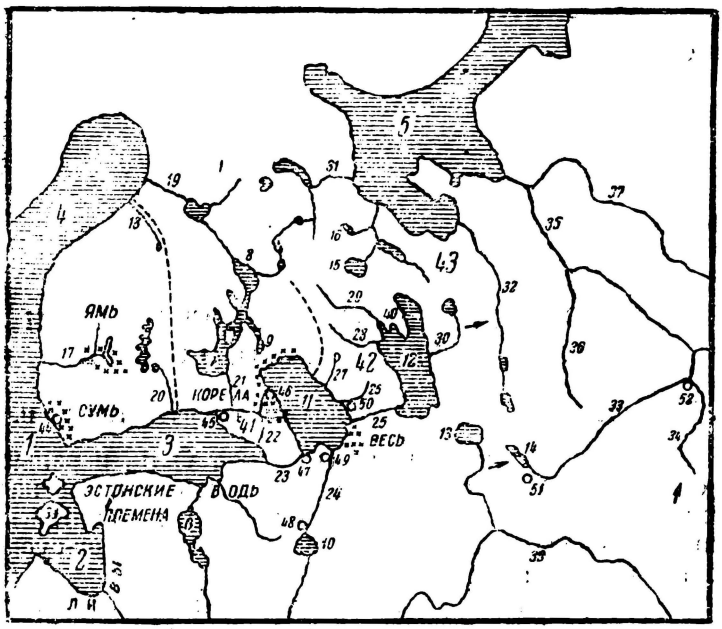
III. Самоназвание — Лаппи, название южан (II) — Вепся, название северян (IV и т. д.) — Лаппи.

IV. Самоназвание — Карьяла, название южан (III) — Карьяла, название северян (V и т. д.) — Лаппи.

V. Самоназвание — Карьяла, в следах — Лаппи, название южан (IV) — Карьяла, название северян (VI) — Карьяла, в следах — Лаппи.

VI. Самоназвание — Карьяла, название южан (V) — Карьяла, название северян (лопарей) — Лаппи.

КАРТА II. ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ПЛЕМЕНА НА ПЕРЕВАЛЕ ОТ I КО II ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ



x x x x Основные территории племен.

- - - - - Западная и восточная границы Корелы.

———→ Входы в Заволочье.

Моря и заливы: 1. Балтийское море. 2. Рижский залив. 3. Финский залив. 4. Ботнический залив. 5. Белое море.

Озера: 6. Чудское. 7. Сайма. 8. Пиэлисъярви. 9. Пюхяярви. 10. Ильмень. 11. Ладожское. 12. Онежское. 13. Белое. 14. Кубенское. 15. Сегозеро. 16. Ондозеро.

Реки: 17. Кокемяэнйоки. 18. Пюхяйоки. 19. Оулунйоки. 20. Кюминйоки. 21. Вуокси. 22. Сестра-река. 23. Нева. 24. Волхов. 25. Свирь. 26. Олонка. 27. Видлица. 28. Шуя (южн.). 29. Суна. 30. Водла. 31. Кемь. 32. Онега. 33. Сухона. 34. Юг. 35. Сев. Двина. 36. Вага. 37. Пинега. 38. Волга.

Остров: 39. Эзель.

Полуостров: 40. Заонежье.

Перешейки: 41. Карельский. 42. Олонецкий. 43. Онежский.

Города (до XIV в.): 44. Турку (Або). 45. Выборг. 46. Корела (Кякисалми). 47. Ореховец (Щлиссельбург). 48. Новгород. 49. Старая Ладога. 50. Олонец. 51. Вологда. 52. Великий Устюг.

I. ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ БАЛТИЙСКО-БЕЛОМОРСКОГО СЕВЕРА

1. Древние прибалтийские финны в I тысячелетии до н. э.

В I тысячелетии до н. э. (а может быть, и раньше) в соприкосновении с Балтийским морем оказалось население, которое принято называть древним прибалтийско-финским, — языковые предки современных финнов-суоми, карел, вепсов, эстонцев и некоторых других.

Территория, которую первоначально заняло это население, может быть определена только самым приблизительным образом. Достоверно, что она была невелика и выходила на Балтийское море на небольшом участке между Рижским и Финским заливами. В современные Финляндию и Карелию она еще не простиралась: там еще кочевали отдаленные языковые родственники древних прибалтийских финнов — культурноотсталые лопари (саамы), представлявшие собою бродячих охотников, рыболовов, оленеводов. Как далеко в восточном направлении простиралась обсуждаемая территория, мы не знаем. В южном направлении она простиралась недалеко, так как уже на Зап. Двине начиналась территория древних литво-латышей, в языковом отношении древним прибалтийским финнам совершенно не родственных.

Процесс сложения древних прибалтийских финнов пока ускользает из нашего поля зрения. Можно считать установленным только то, что они стянулись к Балтийскому морю из внутренней части лесной полосы Восточной Европы. Остальное неясно. Передвижение к Балтийскому морю могло происходить постепенно, и в нем мог-

ли принимать участие этнически не совсем однородные элементы. Весьма возможно, что с пришельцами смешались какие-либо аборигены (первонасельники) страны.

Как бы то ни было, но проживание на отдельной территории, в обстановке тесных хозяйственных и культурных связей определило единообразие хозяйственных и культурных институтов у древних прибалтийских финнов, равно как единообразие их речи. О их речи надо сказать, что (как это ясно на основе историко-сравнительного изучения речи их языковых потомков) она представляла собою одну и ту же речь, разумеется, с некоторыми вариациями от одной местности к другой, особенно в области словаря.

Весьма важно указать, что древние прибалтийские финны в это время развивались в сфере восточноевропейских отношений, без всякого заметного соприкосновения с населением стран по другую сторону Балтийского моря.

Экономические и культурные влияния притекали в их среду — в среду оседлых охотников, рыболовов, немного земледельцев, немного животноводов, живших еще нетронутым родо-племенным бытом,— с далекого Эгейско-черноморского юга по путям, огибавшим с востока Карпаты, а далее ведшим прямо к Балтийскому морю. Влияния эти притекали через целый ряд посредников. К северу от Черного моря, в степной полосе, обитали скифы и родственное им население, говорившее на языках иранской группировки. Дальше, уже в лесной полосе, на территории приблизительно между Карпатами, Верхним Повислиньем и Средним Поднепровьем, обитали древние славяне, по языку не очень далекие от скифов. Еще дальше, уже вблизи Балтийского моря, на территории между Нижним Повислиньем, Подвиньем и Верхним Поднепровьем, обитали древние литво-латыши, по языку ближайшим образом родственные с древними славянами. Древние литво-латыши были южными соседями древних прибалтийских финнов.

Понятно, какое большое значение имело для древних прибалтийских финнов соседство древних литво-латышей. Лингвистическая наука уже давно вскрыла в прибалтийско-финской речи над древними пластами слов пласт слов, заимствованных из древней литво-латышской речи. Эти слова позволяют судить о том, в чем собственно выражалось влияние древних литво-латышей. Перед нами

слова, относящиеся к земледелию и огородничеству, к животноводству, к средствам передвижения, к постройке жилища и усадьбы, к одежде, к еде-питью, к семейным (родовым) отношениям, к религии, к устному народному творчеству и связанным с ним искусствам (интересно отметить, что от литво-латышей ведет начало слово kantele)[1]. Влияние древней литво-латышской речи на древнюю прибалтийско-финскую не ограничилось словарем. Оно пронизало всю структуру древней прибалтийско-финской речи, от фонетики до синтаксиса. Это было не только широкое, но и чрезвычайно глубокое влияние.

2. Древние прибалтийские финны до эпохи возникновения Русского государства

Незадолго до нашей эры в Европе совершились важные перемены. Возвысилось и окрепло громадное, культурное Римское государство, средоточие которого находилось в западном Средиземноморье. Политические границы Рима простерлись на север до Британии, Рейна (местами и за Рейн), Карпат. Но экономическое и культурное влияние Рима шло гораздо дальше. В сферу этого влияния оказались вовлечены и бассейны Северного и Балтийского морей. Оно достигло и древних прибалтийских финнов.

Посредниками в передаче влияний из далекого Рима на Прибалтийско-финский север оказались древние германцы в широком смысле слова — языковые предки немцев, англичан, датчан, норвежцев, шведов и т. д. Они прямо соседили с населением Римского государства, а от древних прибалтийских финнов их отделяло только неширокое Балтийское море. Они стали играть по отношению к древним прибалтийским финнам ту роль, какую раньше играли древние литво-латыши. Их влияние было тем полнее, что они основали на восточном побережье Балтийского моря кое-какие колонии. Одна такая колония достоверно была в крайнем юго-западном углу современной Финляндии, около современного Турку (Або).

---

[1] О словах литво-латышского происхождения см. основополагающую работу датского ученого V. Thomsen'a „Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog", 1890, и позднейшую работу финляндского ученого J. Kalima „Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat", 1936.

Связи с древними германцами имели для древних прибалтийских финнов значение, не уступавшее значению прежних связей с древними литво-латышами. Лингвистическая наука уже давно вскрыла в прибалтийско-финской речи пласт слов древнегерманского происхождения. Кроме слов, относящихся к тем же областям, что слова литво-латышского происхождения, перед нами еще слова, относящиеся к мореходству, к торговле, к военному делу и вооружению, к развивающимся военно-демократическим порядкам. Особо надо выделить слова, связанные со сложением так называемого железного века на Севере.[1] Будучи весьма широким, влияние древнегерманской речи на древнюю прибалтийско-финскую не было однако глубоким: оно не получило никаких важных отражений в структуре древней прибалтийско-финской речи.

3. Состав древних прибалтийско-финских племен к эпохе возникновения Русского государства

Влияние Рима имело следствием громадное оживление торговли везде, куда проникало. Этим оживлением были захвачены и древние прибалтийские финны. Та пушнина, которая раньше шла в основном на удовлетворение их собственных скромных потребностей, теперь стала товаром, на который предъявлялся усиленный спрос. Нет сомнения, что мехами, добытыми прибалтийско-финскими охотниками, нередко щеголяли римские красавицы. Эта торговля, раз проложив себе пути, сохранила их и тогда, когда Рим пал.

Оживление торговли было связано с перестройкой отношений на старых территориях и с освоением новых. Новые территории осваивались следующим образом. Сначала на эти территории ездили в сезонном порядке, в порядке ежегодных „экспедиций" за пушниной, а попутно и за другими вещами, представлявшими ценность. В пунк-

---

[1] О словах древнегерманского происхождения см. основополагающую работу датского ученого V. Thomsen'a „Berührungen zwischen den germanischen und finnisch-lappischen Sprachen", 1870 (по-датски — 1869). Полевен список древнегерманских заимствований в журн. Finnisch-Ugrische Forschungen, XIII. Из позднейшей литературы отметим работу T. E. Karsten'a „Germanisch-finnische Lehnwortstudien", 1915 (где некоторые положения спорны).

тах, удобных для организации промыслов и торговли, с течением времени появлялись поселения. Постепенно на новых землях формировались целые новые племена. Места на Севере было много, и завоевывать новые земли не приходилось. Были на Севере лопари, но они, слабые и численностью, и культурой, да к тому же, как кочевники, не слишком тесно связанные с территорией, не оказывали деятельного сопротивления и откочевывали дальше.

Каково бы ни было разделение древних прибалтийских финнов в прежние времена, но в описываемое время оно не могло сохраниться без перемен. Разделение древних прибалтийских финнов в описываемое время не могло не оказаться существенно новым разделением.

О племенах описываемого времени, оставшихся на старой территории или оказавшихся вблизи ее, мы не будем распространяться. Укажем лишь, что на территории современной Эстонии сформировался ряд племен, которые позднее составили эстонский народ, по побережью Рижского залива распространилось племя Liivi, остатки которого продолжаются в маленьком современном ливском народе (на небольшом участке Курляндского берега Латвии — около того места, где Рижский залив открывается в Балтийское море), а в углу между Чудским озером и восточной частью Финского залива укрепилось племя Vakja (позднее — Vagja и далее Vad'd'a), остатки которого продолжаются в маленьком современном водском народе (в нескольких селениях вблизи Эстонии).

Больше следует сказать о племенах, освоивших новые территории в северном и северо-восточном направлениях. Именно с этими племенами нам придется иметь дело в дальнейшем.

1) Вскоре после начала н. э. на крайнем юго-западе современной Финляндии, около современного Турку (Або), сформировалось племя Soomi (позднее — Suomi), которое в позднейших русских известиях выступает под названием Сумь. Это небольшое племя занимало исключительно удобное для торговли место: здесь сливались воды Финского и Ботнического заливов, совсем близко были, с одной стороны, земли к югу от Финского залива, а с другой стороны — Швеция. Минусом этих мест была слабая защищенность от нападений со стороны моря — оживленная торговля тогда была неизбежно связана с жестоким морским разбоем, и нападения были часты. Следует

думать, что данное племя установило какие-то формы сожительства с германцами, имевшими здесь исстари колонию и полезными в деле обороны от нападений. Этнический состав данного племени был сложный. Он был тем сложнее, что, судя по языковым данным, в него проникали все новые и новые элементы со старой прибалтийско-финской территории.

2) Приблизительно тогда же невдалеке, внутри страны, у ближайшей группы крупных озер, сформировалось племя Hämes (позднее Hämeh, Häme), которое в позднейших русских известиях выступает под названием Ямь или Емь. Это первоначально небольшое, но с течением времени все разраставшееся племя заняло место, достаточно удобное для торговли и исключительно удобное для широкой организации пушного и других промыслов. Удобства торговли обеспечивались тем, что из группы озер, около которых обосновалось данное племя, можно было по реке Kyminjoki легко попасть в Финский залив, а по реке Kokemäenjoki — в Ботнический залив. Удобства промыслов обеспечивались тем, что на север и восток от группы озер, около которых обосновалось данное племя, открывались безграничные лесные просторы. В этих лесных просторах можно было и эксплоатировать кочевавших там лопарей. Едва ли не данное племя впервые установило институт так называемой „лопской дани". К указанным удобствам прибавлялась хорошая защищенность от нападений со стороны моря. Этнический состав данного племени был, несомненно, менее сложен, чем этнический состав Суми.

3) Приблизительно с VI в. промышленники из Ями в своих поездках в восточном направлении стали достигать Ладожского озера. Археологические находки VI—VIII вв. на западном побережье Ладожского озера показывают, что в это время эти места имели связь преимущественно с Ямью. Постепенно сюда же стекались, однако, и люди из юго-западных прибалтийско-финских племен. В IX в. здесь составилось довольно значительное население, которое сорганизовалось как отдельное племя. В первых известиях это племя выступает как Kirjala. Только гораздо позднее, при обстоятельствах, с которыми мы познакомимся дальше, пошло в ход название Karjala, откуда русское Корела. Это племя заняло территорию, во всех отношениях не менее удобную, чем территория, какую занимала Ямь. Это было северо-запад-

ное и северное побережье Ладожского озера со средоточием при впадении р. Вуокси в это озеро. В то время из Финского залива в Ладожское озеро можно было попадать не только по Неве, но и по водному пути, ныне уже не существующему — из Выборгского залива по небольшим рекам и озерам на р. Вуокси, впадавшую в Ладожское озеро около современного Кякисалми. Это была важная торговая артерия, обеспечивавшая Кореле торговые выгоды. Что касается промысловых выгод, то их обеспечивали не только огромные лесные пространства по соседству, но и один замечательный водный путь. Из Ладожского озера, преодолев нетрудный волок, можно было попасть в систему бесчисленных озер, озерных протоков и рек и доехать до большого озера Pielisjärvi. Отсюда можно было ехать по озерам, озерным протокам и рекам, с одной стороны, до Белого моря, а с другой стороны — до северной части Ботнического залива. Если беломорское ответвление данного пути Корела стала усиленно эксплоатировать только гораздо позднее, то по ботническому ответвлению этого пути она устремилась очень рано, затрудняя распространение Ями в далеких северных местах.

4) С некоторых пор население прибалтийско-финского происхождения стало скопляться еще в одном месте, у юго-восточного побережья Ладожского озера, в углу между Волховом и Свирью. Судя по данным языка, в состав этого населения вошли отчасти те же элементы, что в состав Корелы, однако элементы с юго-запада были представлены гораздо сильнее. В IX в. данное население оказалось довольно значительным и усвоило организацию отдельного племени. Это племя называлось Vepsä, откуда русское Весь. Территория, которую заняло это племя, была также очень удобной. Как раз в этих местах были пути из Ладожского озера в систему волжских вод, — а путь на Волгу стал функционировать раньше, чем путь на Ильмень и дальше на юг. Естественно, данное племя рано стало хозяйствовать не только в направлении Онежского озера, но и в направлении Белого озера, находившегося уже в Волжском бассейне. Ко времени возникновения Русского государства Белое озеро получило для Веси даже большее торговое значение, чем основная территория. С Белого озера Весь установила торговые связи с государством волжских булгар, возникшим при впадении Камы в Волгу в начале

второй половины 1 тысячелетия нашей эры. Близость богатого пушниной Заволочья (громадной страны по рекам, стекающим в Белое море) обеспечивало белозерский рынок громадным количеством товара.

ПРИМЕЧАНИЕ. Термины системы Häme — Kärjala.

Древние литво-латыши делили свою территорию на „Низовую землю" и „Верховую" или „Горную" или „Лесную землю". Это было географо-культурное деление, не имевшее прямого отношения к племенному делению. „Низовая земля" называлась Же na- „Низкая" или Жемеes „Низовья" — при Жемее — „земля, низ". Ср. наше земля. „Верховая" или „Горная" или „Лесная земля" называлась в разных местах по-разному. Можно думать, что одним из названий в этом случае было girja или garja „гора, лес" (оба варианта отражаются в позднейших литво-латышских языках). Ср. наше гора при сербском гора — „лес". Древние прибалтийские финны, подвергшиеся в свое время, как мы знаем, сильнейшему воздействию древних литво-латышей, преломили представление последних о разделении на „низовых" и „верховых" или „горных" или „лесных" как о разделении на западных и восточных, усвоив соответствующую терминологию применительно к своим обстоятельствам. Древнее литво-латышское Жема- или Жемеes отразилось сначала как Шämä или Шämes (у древних прибалтийских финнов звонкие шумные согласные заменялись через соответствующие глухие, значит, ж через ш), а затем как Hämä или Hämes (у древних прибалтийских финнов в свое время произошел переход ш в h). Что касается древнего литво-латышского girja или garja,то оно отразилось как Kirja-la или Karja-la(у древних прибалтийских финнов звонкие шумные согласные заменялись через соответствующие глухие, значит, g через к). С течением времени оба термина оказались использованы в роли племенных названий: Hämä-laiset или Hämes, Hämeh, Häme и Kirjala (iset), Karjala (iset) — Ямь и Корела.

Один термин данной системы получил отражение у лопарей. Древнее прибалтийско-финское Шämä, когда в нем еще звучало ш, у лопарей отразилось как Saamme и т. п. (у лопарей ш в то время заменялось через s, а ä в то время заменялось через a, aa). Так лопари стали называть свою землю, а потом и себя.

На этом цепь не оборвалась. Когда на сцену выступили древние германцы, они сначала не проводили различия между прибалтийскими финнами и лопарями (как, скажем, русские допетровской эпохи не проводили различия между разными народами северо-западной Европы, подводя их под общее название „немцы"). Тех и других они называли одинаково fenna-, позднее finna,- вследствие чего современные шведы называют финнами финнов-суоми, а норвежцы — лопарей. Можно думать, что у тех древних германцев, которые имели колонии на восточном побережье Балтийского моря, в частности около современного Турку (Або), было и другое название для тех и других, отражавшее самоназвание лопарей, именно Sooma- (у древних германцев aa заменялось последовательно через oo). Это название в устах германцев сошло со сцены: потомство древнегерманских колонистов „потонуло" в волнах позднейших колонистов-шведов. Но раньше, чем исчезнуть

в устах германцев, оно получило отражение у древних прибалтийских финнов в виде Sooma-laiset, Soomi, откуда после перехода oo в uo — Suoma-laiset, Suomi. Это название затем оказалось самоназванием племени, обосновавшегося около современного Турку (Або). Небезинтересно, что Sooma- проникло к латышам в гораздо менее определенном значении — стало обозначать вообще крайние западные группы прибалтийско-финского населения, почему мы находим у них, например, Saamu sala „остров Эзель" (у латышей oo закономерно перешло в aa); через латышей и лифы усвоили свое Saame maa „остров Эзель". Небезинтересно также, что то же Sooma- проникло к русским не только в том значении, которое соответствовало позднейшим обстоятельствам, т. е. для обозначения племени С у м ь, но и в более древнем значении и в последнем случае могло обозначать лопарей; ср. С у м о з е р о, р. С у м а, С у м о с т р о в, С у м с к и й п о с а д и т. п. как раз в местах, где долго держались лопари.

Как видно, термины системы Häme — Karjala охватывают очень много. Те из интересных для нас пока терминов, которые выходят за ее рамки, неясны. Неясен, в частности, термин Vepsä.

Термин Vepsä требует следующего указания. У русских он представлен как В ь с ь, род. п. В ь с и (откуда позднее В е с ь, В с и). Так как русское ь некогда отражало иноязычное i, но не e, возникает затруднение. Следует думать, что данный термин у русских отравил влияние скандинавов, у которых замена e через i была в порядке вещей. Адам Бременский (XI в.) упоминает, на основании скандинавской информации, о племени Vizzi.

II. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ БАЛТИЙСКО-БЕЛОМОРСКОГО СЕВЕРА

1. Возникновение Русского государства

Во второй половине 1 тысячелетия н.э. восточные славяне, поднявшись по Днепру, проникли на Великий восточноевропейский водораздел, а оттуда распространились на соседние места — на верховье Зап. Двины, на р. Великую, Псковское и Чудское озера и соседние места, на р. Ловать, оз. Ильмень, р. Волхов и соседние места, на верховья Волги.

Продвижение восточных славян в северном направлении проторило „путь из варяг в греки", который раньше не функционировал. Возникновение этого пути было тем, что вызвало кристаллизацию государственных начал, уже длительно росших в среде восточных славян. Это произошло несколько раньше, чем можно судить по летописи, именно на перевале от VIII в. к IX в. Государственность у восточных славян возникла не сразу как единая государственность: слишком велика была их земля, протянувшаяся от больших северных озер до Черного моря. Но зачатки единой государственности были с самого начала: „путь из варяг в греки" был един.

Сложившись на „пути из варяг в греки", государственность восточных славян, их собственное создание, естественно, развивалась не в изоляции. Надо учитывать и скандинавов-варягов, и греков.

Варяги были торговцами с широкими связями и воинами с широким опытом. Привлеченные открытием „пути из варяг в греки", они создали себе сильное „гнездо" в

нижнем течении Волхова, в Ладоге. Опираясь на этот пункт, они проникали и в более южные места, в основном как наемная воинская сила. Поскольку они включались в звенья восточнославянской государственности, они переставали быть прежними авантюристами, из их среды выделялись крупные государственные деятели, и они (варяги) быстро ассимилировались восточнославянской стихии. В своем стремлении достигнуть пышной Византии они находили полную поддержку в среде восточного славянства, которое и раньше обнаруживало то же стремление, и это было важнейшим моментом в росте кооперации между восточными славянами и определенными кругами из среды варягов. В начале IX в. (задолго до летописного Рюрика) варяги, вошедшие в восточнославянскую государственность, сконцентрировались преимущественно у южного конца „пути из варяг в греки", в Черноморье, на горизонте Византии. Именно в этих местах кооперация между восточными славянами и определенными кругами из среды варягов создала силы, которые привели к появлению единого восточнославянского, Русского государства. Этот момент относится к концу IX в., по летописи — к 882 г. Связан он с именем Олега, который, хотя и носил варяжское имя, был настоящим русским государственным деятелем. Именно он политически связал оба конца „пути из варяг в греки", киевский и новгородский. И именно он сумел заставить Византию, Хазарию, Кавказ, Иран бояться русского имени и уважать его. Характерно его отношение к варягам. Государственно пригодные элементы из их среды он оставлял около себя наряду с восточными славянами. Но против не изживших авантюризма и лишних элементов из их среды он начал борьбу, „подкидывая" их на службу Византии, а то и просто спроваживая их восвояси — политика, которой твердо держались и его преемники, пока, к концу X в., варяги не утеряли своей роли в государстве.

За варягами никак нельзя забывать греков. Они не приходили на Русь шумными ватагами. Тем не менее они сыграли для Руси гораздо, может быть, более важную роль, чем варяги. У них было то, чего не было у варваров-варягов, — высокая культура, преемственно продолжавшая культуры Древней Греции и Рима. Именно благодаря влиянию греческой культуры Русь включилась в мировой поток культурного развития, вошла как

равноправный член в систему культурнейших государств того времени и свою тогда полученную культурную „зарядку“ пронесла через все ужасы печенежских и половецких набегов, монголо-татарского нашествия, шведских и польских войн. Именно благодаря влиянию греческой культуры Русь, на многие века отрезанная от тесных связей с Европой, сохранилась и выросла как великое европейское государство, Россия. Окончательное включение Руси в мировой поток культурного развития можно связывать с крещением Руси в конце X в. при великом князе Владимире Красном солнышке.

2. Перемены в среде прибалтийских финнов в связи с возникновением Русского государства

Появление культурного восточнославянского государства в соседстве с прибалтийскими финнами не могло не произвести в их среде громадных перемен. Они не оторвались от связей с германцами: те, в частности варяги, сохранили значение. В самых западных частях территорий, населенных прибалтийскими финнами, влияние германцев даже мало ослабело. Но все прибалтийские финны оказались и под влиянием восточных славян, которые распространяли на север влияние греческой культуры. Чем дальше на восток, тем влияние восточных славян ощущалось сильнее. Оно стало решающим в среде тех прибалтийско-финских племен и групп, которые вошли в состав Русского государства.

Можно отметить много слов, которые в рассматриваемое время перешли от восточных славян к прибалтийским финнам, достигнув даже наиболее отдаленной Суми. Чрезвычайно характерно, что первые христианские термины у всех прибалтийских финнов — восточнославянского происхождения: **risti** — „крест“, **pakana** — „поганый, язычник“ и др. Следует обратить внимание также на столь же широко распространившиеся слова, относящиеся к области торговли: **turku** —„торг, торговый культ“, **tavara** — „товар“, **määrä** — „мера“ и др.; к области трудовых процессов и орудий всякого рода: **sirppi** — „серп“, **taltta** — „долото“, **ahrain** (из более раннего **astrag^{h}in**) — „острога“ и др.; к области одежды и обуви: **viitta** — „свита, свитка“, **saapas** — „сапог“ (ср. **palttina** — „полотно“) и др.; к области питания: **piiras** —„пирог“, **talkku-**

na — „толокно“ (ср. lusikka — „ложка“) — и т. д. В относительно восточных местностях количество восточнославянских заимствований громадно.[1] Влияние восточнославянской речи в относительно восточных местностях оказалось не только широко, но и чрезвычайно глубоко: оно перестроило всю структуру речи от фонетики до синтаксиса. С глубиной этого влияния можно в некоторой мере сравнить только влияние древней литво-латышской речи в 1 тысячелетии до нашей эры.

Торговое влияние Новгорода, важнейшего восточнославянского центра на Севере, охватывало всю совокупность прибалтийских финнов. Новгородцы рано стали торговать даже среди Суми. Памятью этой торговли остается название города Турку (Або) на территории этого племени.

Политическое влияние Новгорода в той или иной мере ощущалось тоже среди всех прибалтийских финнов. Слабо оно ощущалось только среди Суми. Но Ямь, хотя и сопротивлялась, оказалась в данническихотношениях к Новгороду. Корела постепенно втягивалась в союзнические с ним отношения. Весь вошла в политическую систему Новгорода с самого начала. То же надо сказать об одном из юго-западных племен — Води, равно как о части населения, продолжающегося в современных эстонцах. Другие юго-западные племена оказались в данническихотношениях к Новгороду или (ливы) к Полоцку.

Само собою разумеется, что, оказавшись в связи с Русским государством или войдя в него, прибалтийские финны уже не могли сохранять „чистоты“ родо-племенного быта. Эта „чистота“ сильно поколебалась еще в предшествующее время, в результате внутренних процессов и древнегерманского влияния. Теперь родо-племенные порядки все больше приобретали характер пережитков. Когда прибалтийско-финское население разбрасывалось по новым территориям, новые племена уже не слагались.

Появились и прибалтийско-финские группы, которые совершенно не подходили под признаки родо-племенной

[1] О русских заимствованиях в прибалтийско-финских языках см. работу финляндского ученого J. J. Mikkola „Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch“, 1938.

Прибалтийско-финские заимствования в русском языке (особенно в северных диалектах) освещены в книге финляндского ученого J. Kalima „Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen“.

организации. Такова была прежде всего Волховская Чудь. Это было пестрое скопление выходцев из разных прибалтийско-финских племен, привлеченное на нижнее течение Волхова, к Ладоге, движением по „пути из варяг в греки". Эти люди явились сначала в качестве спутников варягов. Но затем много элементов влилось в их среду и „сами по себе". Несомненно, в их среде стали играть значительную роль выходцы из Веси. На это указывают, может быть, названия, вроде Вси на нижнем Волхове вблизи Ладоги (Старой). Очевидно, часть Веси оттягивалась к Белому озеру и вообще на восток, а часть — на нижнее течение Волхова, до которого было пятнадцать—двадцать километров.

Волховская Чудь привлекает все большее внимание науки. Это был как бы узел связей между прибалтийскими финнами, скандинавами-варягами и восточными славянами, русскими. Влияние этого узла должно было так или иначе ощущаться среди близких и далеких прибалтийских финнов.

3. Чудь

На первых страницах летописи мы постоянно встречаем упоминания Чуди. До 882 г., т. е. до года, когда происходит окончательное сплочение восточнославянской государственности вокруг Киева, Чудь упоминается всегда непосредственно после варягов или Руси. Вступительная часть летописи: „В Афетове же части седять Русь, Чудь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Мордва..." Там же: „А се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Мещера, Черемиса, Мордва..." 859 г.: „Имаху дань варязи на Чуди и на словенех, на Мери и на Всих и на кривичих". 862 г.: „Реша Руси Чудь и словене и кривичи и Вси..." 882 г.: „Приде Олег поим вое многи варяги, Чудь, словени, Мерю, Весь, кривичи".

Под Чудью тут надо понимать прежде всего Волховскую Чудь, которая состояла в значительной мере из прибалтийско-финских спутников варягов. Такие прибалтийско-финские спутники известны отчасти по именам (Чудин и т. п.). Вполне естественно, что, говоря о варягах или Руси на первом месте, летопись, связывающая Русь с варягами, говорит о их спутниках на втором.

Однако термин Чудь употребляли и шире. В обстановке разрушения родо-племенных порядков племенные границы для новгородцев оказывались малосущественны, и о населении Балтийско-беломорского севера они судили прежде всего по их отношению к Русскому государству. А в пределах Русского государства, кроме Волховской Чуди, с самого начала оказались также Водь (вместе с ближайшей частью населения, впоследствии вошедшего в состав эстонского народа), с одной стороны, и Весь, с другой. И на тех, и на других — на последних, кроме особо поставленной белозерской группы, — оказался распространен термин Чудь. Что к Чуди причисляли Водь (вместе с соседями), в этом никто не сомневается. Чудское озеро — это озеро именно Води (вместе с соседями).

Что к Чуди причисляли и Весь — кроме особо поставленной белозерской группы, — в этом, наоборот, принято сомневаться. Дело в том, что в памятниках Весь называется Чудью только с относительно позднего времени. Первый известный нам случай относится к 1251 г.: в этом году белозерский князь Глеб Васильевич был застигнут бурей на озере Кубенском и на острове Каменном нашел группу монахов, которые горько жаловались на обиды, между прочим, со стороны Чуди, т.е., конечно, Веси. Второй известный нам случай относится ко времени около 1350 г.: в это время монах Лазарь, основатель Муромского монастыря на юго-восточном берегу Онежского озера, горько жаловался на обиды, между прочим, со стороны опять-таки Чуди, т. е., конечно, Веси. С XV в. известия этого рода делаются уже чаще. Русское население ныне называет Чудью или чухарями вепсов — потомков Веси. Можно ли, однако, удивляться, что до 1251 г. нет случаев, где бы Весь называлась Чудью? Их и не может быть, так как до 1251 г. наши памятники вообще не говорят о Веси за рамками белозерской группы. Но то обстоятельство, что уже на первых страницах летописи термин Чудь прилагается к местам даже более восточным, чем те, о которых мы пока говорили — имеем в виду Заволоцкую Чудь, — может иметь только одно толкование.

Почему белозерская группа Веси была терминологически выделена, вполне понятно. Белозерская группа Веси была волжской группой, и новгородцами, не вникавшими в лингвистические обстоятельства, ставилась на одну доску с другими волжскими группами. В летописи Весь поэтому

упоминается всегда в числе волжских этнических групп, после Мери. См. приведенные в начале настоящего раздела выписки из летописи. Добавим еще одну, под 862 г.: „А первии насельници в Новгороде словене, в Полотсте кривичи, в Ростове Меря, в Белоозере Весь, в Муроме Мурома“.

ПРИМЕЧАНИЕ. Термины системы Чудь—Venäjä. Когда древние славяне сидели еще на территории между Карпатами, Верхним Повислиньем и Средним Поднепровьем, они пришли в соприкосновение с древними германцами. Обе стороны нашли друг для друга имя.

В древнегерманской речи было слово t^{h}iud^{h}oo- — „народ, люди“, которое часто употреблялось и в смысле „свой народ, свои люди“, приближаясь к самоназванию, ср. производное t^{h}iud^{h}ija- „свой, свойский, дружественный или понятный“ (откуда, между прочим, нем. deuten „пояснять“, be-deuten „значить“). Интересно, что в средние века данное слово дало начало самоназванию немецкого народа (нем. deutsch). Древние славяне были знакомы с указанным древнегерманским словом, как и с указанным его производным, но, естественно, воспринимали их по-своему. Древнегерманское t^{h}iud^{h}oo- они воспринимали как Tjudь „чужой народ, чужие люди — древние германцы“ и соответственно древнегерманское t^{h}iud^{h}ija- как tjudjь „чужой“ (откуда русск. чужой, старослав. штоуждыи и т. д.). С течением времени былое отношение между древними славянами и древними германцами сошло со сцены, и термин Tjudь у большинства славян погрузился в туман легенд (ср. старослав. штоудовинъ „великан“ и т. п.)

Что касается названия древних славян в устах германцев, то это было Vened^{h}a-, позднее Vinid^{h}a-, или Venad^{h}a- — венеды. С течением времени этот термин у германцев испытал сдвиг, приурочившись в основном к западным славянам. Происхождение данного термина неясно. Во всяком случае он сопоставим с некоторыми терминами, сохранившимися в среде восточного славянства. Имеем в виду, во-первых, древнеславянский o^{n}tъ „ант“ (так в середине I тысячелетия нашей эры называлось восточное славянство в целом) и, во-вторых, древнеслав. ve^{n}titjь „вятич“ (так до начала II тысячелетия называлось наиболее восточное восточнославянское племя). Со звуковой стороны для сопоставления нет препятствий. С отношением между древнеслав. o^{n}tъ и ve^{n}titjь ср. отношение между древнесл. o^{n}zlъ „узел“ и ve^{n}zati „вязать“ и т. п.

Замечательно, что термины данной системы впоследствии всплыли в отношениях уже не между древними славянами и германцами, а между восточными славянами и прибалтийскими финнами. Восточные славяне стали применять термин Tjudь, превратившийся в Чудь, к прибалтийским финнам (первоначально к Волховской Чуди), а прибалтийские финны (не вошедшие в состав Русского государства) стали употреблять термин Venäd^{h}ä- (откуда финское Venäjä, карельское Ven'ää и т. п.) по отношению к восточным славянам. Что же случилось?

Мы знаем, что еще в первые века нашей эры древнегерманские колонии существовали на восточном побережье Балтийского моря, в частности около современного Турку (Або). Древние германцы тогда что-то делали на Балтийско-беломорском севере, и о них

кое-что слышали северные славяне, те самые, которые потом продвинулись к Новгороду. Этих германцев эти славяне называли, естественно, Tjudь. Готский историк Иордан (VI в.), повествуя о событиях IV в., сообщает о северной этнической группе Thiudos или Tzudzos; до него, очевидно, дошла информация славян, проникнутая славянской точкой врения. С другой стороны, те древние германцы, которые что-то делали на Балтийско-беломорском севере, тоже кое-что слышали о живших к югу славянах. Этих славян эти германцы называли, естественно, в е н е д а м и. Прошло время, и славяне продвинулись в северном направлении. Германцы здесь были уже не те, и термин Tjudь, превратившийся в Ч у д ь, к ним не пристал. Но он пристал к спутникам новых германцев, Волховской Чуди. С другой стороны, в среде прибалтийских финнов сохранялся воспринятый от местных древних германцев термин Venäd ʰ ä-. Славяне были уже не те, и ближайшие к ним прибалтийские финны уже не называли их Venäd ʰ ä-. Но в среде более отдаленных и потому менее осведомленных прибалтийских финнов этот термин для названия славян сохранился.

Оба термина, Чудь и Venäd ʰ ä-, имели дальнейшую судьбу. Мы уже знаем, что термин Чудь был рано распространен на всех прибалтийских финнов, оказавшихся в системе Русского государства, кроме белозерской группы Веси. Дальше мы познакомились и с дальнейшим расширением его употребления. Заметим, что рядом существовал еще термин ч у х... (он отражается в ч у х н ы, ч у х а р и), образованный с помощью суффикса -х точно так же, как, например, л я х, ч е х. Что касается термина Venäd ʰ ä-, то он в свое время перешел от Корелы, где успел приобрести вид Ven'ää, и т.п., к Веси, где получил вид Ven'a (если бы данный термин был исстари весским, он звучал бы как Venad с основой Venada-).

4. Деяния Чуди

С именем Чуди связаны весьма важные события на северо-востоке Европы. Дело касается Веси. Вряд ли можно, однако, сомневаться в том, что предприятия последней не обходились без участия Волховской Чуди и новгородцев. На участие новгородцев в предприятиях Веси прямо указывает то, что лопари хранят воспоминание о нападениях Веси как о нападениях ч у д д э,— а ч у д д э отражает новгородскую озвуковку термина.

Чтобы правильно понимать дальнейшее, надо с самого начала принять во внимание, что Весь, как и все участники ее предприятий, действовала в системе Новгорода. Это не значит, что все ее предприятия „согласовывались" в Новгороде. В те времена и много позднее в Новгороде процветали предприятия на личный риск и страх отдельных групп людей, особенно, когда предприятия носили авантюристический характер. Похождения всяческой „вольницы" — характерная черта новгородской жизни.

Эти похождения не регистрировались в летописях, пока не создавали политических осложнений. Говоря, что Весь, как и все участники ее похождений, действовала в системе Новгорода, мы имеем в виду то, что она имела базу на принадлежавшей Новгороду территории, расширяла сферу новгородского влияния, обогащала новгородский рынок. По существу, она прокладывала пути для распространения русской государственности на северо-восток. Неудивительно, что уже первые страницы летописи считают новгородскими все северо-восточные земли до Урала. Уставная грамота Святослава 1137 г., где точно перечисляются поступления в новгородскую государственную кассу из самых отдаленных частей северо-востока, не оставляет сомнений в том, что указания летописи — не пустой звук.

Основные местообитания Веси, как мы знаем, были у юго-восточного побережья Ладожского озера, в углу между Волховом и Свирью. Отсюда Весь рано начала колонизационное движение и промыслово-торговые поездки. Замечательные раскопки В. И. Равдоникаса показали раннее распространение Веси на север, на низовья рек Олонки и Видлицы, т.е. на ту территорию, где мы ныне находим приладожских карел-ливвиков. Другие, более старые раскопки, показали раннее распространение Веси в районе Онежского озера и притом не только к западу от него, в частности по той территории, где мы ныне находим прионежских карел-людиков, но и к востоку от него. К востоку от Онежского озера Весь пользовалась западным входом в Заволочье, путем Онежское озеро — р. Водла с притоками — р. Онега, с которой можно было перебраться и на Сев. Двину. Это доказывают типично-весские названия мест, типично-весская топонимика (поздней даты: обычно со свистящими, а после і — с шипящими — и т. п.) в этих местах. Самым важным движением Веси было движение на Белое озеро. Здесь основалась цветущая весская колония, установившая торговлю с волжскими булгарами, а через них и с арабами (последние знали Весь, может быть, под именем Вису). К востоку от Белого озера Весь пользовалась юго-западным входом в Заволочье. Весь (Чудь) в этих местах, на оз. Кубенском, зарегистрирована памятниками.

Владея западным и юго-западным входами в Заволочье, Весь, конечно, ездила туда с промысловыми и торговыми целями. Правда, там она встречала, повиди-

мому, некоторую конкуренцию со стороны Мери, проникавшей через южный вход в Заволочье, по р. Югу; на это есть указания в топонимических материалах А. И. Попова. Но Меря там отнюдь не преобладала. Вполне понятным делается, почему среди населения Заволочья летопись указывает Чудь — Заволоцкую Чудь. Археологические материалы доказывают существование в Заволочье островков прибалтийско-финского населения, именно Веси. Это относится особенно к западному притоку Сев. Двины Ваге и восточному ее притоку Пинеге, где, кстати, весское название селения Kekrilä приводится в уставной грамоте Святослава в виде Кегрела и сохраняется по сей день в виде Кевроль.

От Заволоцкой Чуди неотделимы Bjarmaland скандинавских саг и Beormas англо-саксонских известий (Биармия). Заволоцкая Чудь — нечто, созерцаемое со стороны западного и юго-западного входов в Заволочье, а Bjarmaland, Beormas — то же самое, созерцаемое со стороны Белого моря. Надо, впрочем, сказать, что в скандинавских сагах (имеем в виду сагу об Алуборге) термин Bjarmaland может распространяться на всю территорию деятельности Веси, вплоть до Ладожского озера. Сообщения скандинавских саг о Bjarmaland'е вообще фантастичны и рисуют его как некое сильное государство. Это совершенно не поддерживают два положительных известия. В семидесятых годах IX в. английский король Альфред, наслышавшись про чудесную страну у Белого моря, направил туда норвежца Отера с наказом доставить правильные сведения. Отер честно выполнил поручение. Он проехал в Белое море (описание пути совершенно правильно) и вошел в устье большой реки. Здесь уже не было лопарей,— которых Отер как норвежец называл финнами,— и встретились те, к кому он ехал. Он побоялся подняться вверх по реке и ограничился справками и торговыми сделками в устье. Ни о государстве, ни о городе он ничего не слыхал. По его сведениям, выше по реке, на одном берегу, обитало многочисленное население, — но туда он не ездил. Позднее, в 1026 г., на Белое море съездил другой „исследователь", норвежец Торер Собака. Он решил подняться по большой реке, которая называлась Вина (Сев. Двина), и нашел ярмарку с пристанью. Совершив с прибытком торговые дела, Торер задумал ограбить находившееся неподалеку скромное капище. Ограбил — и был таков. Истукан в ограбленном капище назывался Joomali, в

каковом названии нетрудно узнать прибалтийско-финское (весское) jumala — „бог". Это название не значит, что капище было весское. Оно значит только то, что Торер встретился с Весью, которая информировала его о капище, чьим бы оно ни было, в весских терминах.

С некоторых пор положение Веси в Заволочье пошатнулось. Район Белого озера был рано колонизован русскими, а его весское население ассимилировалось (в этом отношении белозерская группа Веси разделила судьбу Мери). Уже в середине XII в. за юго-западным входом в Заволочье был построен русский город Вологда (от весского названия реки Valked^h^a или его переработки „Белая"). В начале XIII в. через южный вход в Заволочье, по Югу, проникли новые волны русской колонизации, из суздальских краев, и был построен город Великий Устюг. Затем русская колонизация распространилась по всей Сев. Двине. В распоряжении Веси остался лишь западный, онежский, вход в Заволочье. За этим входом она действовала довольно долго (что вполне согласуется с поздним звуковым видом весских следов в местной топонимике). Еще в XIV в. в Северном Заволочье происходили покупки земель у явно нерусских „владетелей" (укажем на покупку новгородцем Василием Матвеевичем Своеземцевым между 1315 и 1322 гг. громадной территории кругом современного Шенкурска) и военные захваты земель у явно нерусских „властителей" (укажем на авантюристический поход новгородца Луки Варфоломеевича в 1342 г., вызвавший политические трения между Новгородом и Москвой). По мнению акад. А. М. Шегрена, Чудь сохранялась в Северном Заволочье еще в XV в. Возможно, что маленькие ее вкрапления сохранялись в русском море и гораздо дольше.

Заволоцкий север полон воспоминаний о Чуди, о ее борьбе с теми, кого она считала захватчиками, о гибели одних ее групп и об обрусении других. В этих воспоминаниях Чудь в общем погружена в сказочную дымку, обозначает все дорусское. Вместе с русской колонизацией сказания о Чуди проникли и в Сибирь, где стали связываться, например, с могилами совсем не чудского происхождения. Это явление шло нога в ногу с общим расплыванием употребления терминов Чудь, чухны и т. п.

Теряя свои позиции в Заволочье, Весь усиливала колонизацию Олонецкого перешейка (между Ладожским и Онежским озерами). Первые ее колонии здесь, как мы

знаем, возникли еще в древности. В описываемое время они укрепились, и Весь составила основу населения перешейка, основу как современных приладожских карел-ливвиков, так и современных прионежских карел-людиков. На Олонецком перешейке Веси оказалось больше, чем во всех других местах вместе.

С новыми временами оказалось связанным изменение в самоназвании Веси. Термин Vepsä как самоназвание вышел из употребления. Ныне его — как самоназвание — помнят только на крайнем юге заселенной вепсами территории в виде Veps. Пошел в ход русского происхождения термин Люди. Он представлен у современных приладожских карел-ливвиков (Веси по своей основе) в виде L'iydi или, чаще, L'iygi, l'ivviköit, у современных прионежских карел-людиков (тоже Веси по происхождению) в виде L'uud'i, l'uud'ikuoit и т.п., у современных вепсов в виде L'uud', L'ud' (обычно в выражении pagiuta l'uud'ikш, l'ud'ikш „говорить по-вепсски").

То обстоятельство, что большие группы Веси с течением времени оказались весьма важной составляющей частью карельского народа, делает понятным, почему мы уделили ей так много внимания.

ПРИМЕЧАНИЕ. Термин Bjarmaland — Пермь.

Весь называла Заволочье Pergmaa „Задняя земля, земля за рубежом", т.е. „Заволочье". Это название получило двояное отражение. С одной стороны, оно отразилось в скандинавском Bjarma-land. Появление b вместо p в начале этого последнего термина не должно смущать; скандинавы нередко передавали прибалтийско-финские начальные глухие согласные через звонкие, ср. хотя бы poika „мальчик" и его скандинавские отражения, дошедшие до английского языка в виде boy, или старое прибалтийско-финское название Белого моря Kanta-laksi, Kanta-lahti собственно „Опорный залив (залив-держатель вод)" и его скандинавское отражение Gand-viik „Ганд-залив".—С другой стороны, то же весское Pergmaa отразилось в русском Перемь (раньше), Пермь (позднее). Этот термин не всегда имел ограниченное употребление: еще в XIV в. он выступил даже в сочетании Коло-перемь—Кольская Пермь, земли к северо-западу и северу от Белого моря. Однако с течением времени он подчинился точке зрения русских колонистов, проникавших в Заволочье через южный вход (по Югу) из суздальских земель, потом ставших московскими. Когда эти колонисты основали г. Великий Устюг, ход для Веси в южное Заволочье был закрыт, и Веси здесь не стало. Навстречу русской колонизации шло переселение коми, которые в XIV в. достигли современного Котласа на небольшом расстоянии от Великого Устюга. Термин Перемь, Пермь был перенесен на коми и притом на коми в целом, т. е. не только на вычегодских коми (Вымская Пермь), но и на верхнекамских коми (Великая Пермь).

5. Корела до середины XII в.

На первых страницах летописи упоминаний о Корале нет. Она не упоминается ни среди данников Руси, ни среди ее противников. Между тем какие-то отношения должны были быть. Следует думать, что постепенно создавалось нечто вроде союзнических отношений.

Сведения о Кореле до середины XII в. почерпаются из западных источников. Их восполняет то, что дают археология и изучение названий мест.

Первые известия называют Корелу не Karjala, а Kirjala. Первое упоминание Корелы как Kirjala содержится в Эгиль-саге, которая, хотя записана и довольно поздно, признается хорошо отражающей старину. Согласно этой саге, в 874 г. возгорелась война между квенским вождем Фаравидом (квены были выходцами из Ями, действовавшими у северной части Ботнического залива) и Корелой. Квенам помогли норвежцы. Очевидно, Корела тогда уже посягала на места около северной части Ботнического залива, куда ездила по указанному выше внутреннему водному пути. На этот раз Корела была отбита. По всей видимости, ее появление у северной части Ботнического залива преследовало еще вовсе не цели овладения территорией, а просто цели военного грабежа. Более основательное проникновение Корелы в Северную Приботнию сложилось позднее. За указанным известием следуют другие скадинавские упоминания о Кореле как Kirjala.

В IX—X вв. Корела, надо думать, еще не начала крупных продвижений. Она еще не успела закрепиться не только в Северной Приботнии, но и в гораздо более близких местах. Целый ряд фактов, в частности названий мест, свидетельствует о том, что в IX—X вв. даже бассейн озера Сайма и соседних озер был территорией, где и Ямь, и Корела действовали как на „ничьей" территории, и что Ямь частенько пересекала внутренний водный путь из Корелы в Северную Приботнию. Несомненно только то, что уже в IX—X вв. Корела имела постоянные опорные торговые пункты у Финского залива, вблизи позднейшего Выборга и позднейшего Бьёрке (Койвисто),—значит, не замыкалась в своих приладожских местах. Около опорных торговых пунктов, естественно, собиралось население.

В XI в., как это доказывают археологические находки, началось закрепление Корелы у озера Сайма.

На грани XI и XII вв., согласно различным данным, Корела стала продвигаться к Неве. Одна ее группа вышла к устью Невы и стала известна под именем Inkeri, Ижоры, получившей свое название от реки, впадающей в Неву с юга. Эта группа Корелы, оказавшаяся в особом экономическом положении и в особых отношениях к политическим силам того времени, рано обособилась. Она первая оказалась в системе Русского государства.

К середине XII в., несомненно, совершилось закрепление Корелы на пути в Северную Приботнию, и Корела стала проникать на территорию, которой раньше владели квены. Интересно, что за Северной Приботнией все-таки закрепилось название „Страны квенов", и в связи с этим русские в дальнейшем называли северную часть Ботнического залива Каянским морем, Северную Приботнию Каянской землей да и Приботнийскую Корелу стали называть каянами.

О том, чтобы в описываемое время сложилось какое-нибудь заметное движение Корелы в восточные места, не может быть и речи. Долго господствовавшая в науке мысль, что Корела еще в IX в. стала твердой ногой у Белого моря и что население Bjarmaland'а было Корелой, является абсолютно беспочвенной. Беломорье впервые увидело Корелу, по всем данным, не раньше XIII в. Конечно, отдельные проникновения людей из Корелы по пути, шедшему к р. Кеми и к Белому морю, могли иметь место очень рано,—но такие отдельные проникновения никак не имели значения освоения территории.

В середине XII в. составились следующие группы Корелы: Корела на основной территории, Корела у позднейшего Выборга (Привыборгская), Корела у оз. Сайма (Присайминская), Ижора и, наконец, Приботнийская Корела. Связь между Корелой на основной территории и Приботнийской Корелой была особенно тесна, так как опиралась на все энергичнее эксплоатировавшийся внутренний водный „карельский путь".

Территория Корелы к середине XII в. ограничивалась у Финского залива рекою Kyminjoki, а у Ботнического залива—рекою Pyhäjoki (если не какой-либо из несколько более южных рек). У Ладожского озера территория Корелы где-то немного севернее р. Видлицы соприкасалась с территорией Веси. На р. Видлице, не говоря уже о р. Олонке с г. Олонцем (впервые упоминается в 1137 г.), было уже весского происхождения население.

В течение этого периода происходила понемногу этническая перестройка Корелы, продолжавшаяся и позднее. С одной стороны, в состав Корелы вливались кое-какие западные элементы, которые чувствовались особенно у Финского залива и на оз. Сайма, а в некоторой мере и в Северной Приботнии (где, в частности, дело не могло обойтись без влияния квенских элементов). С другой стороны, в состав Корелы, несомненно, вливались элементы Волховской Чуди, для которой время „вольной" жизни прошло. На влитие элементов Волховской Чуди в состав Корелы есть много указаний. Археологические данные говорят о сильном влиянии Нижнего Поволховья на Корелу. Характерно, что некоторые местные названия Нижнего Поволховья оказались перенесены на Карельский перешеек (ср. хотя бы Вси на нижнем Волхове невдалеке от Ладоги и Vepsä на Карельском перешейке). Большое значение имеют некоторые языковые данные, но здесь мы не имеем возможности входить в их обсуждение. Заметим: именно в связь с этнической перестройкой Корелы можно ставить воспреобладание одного варианта ее названия—Karjala—над другим—Kirjala.

6. Корела до конца XVI в.

Середина XII в.— эпоха, когда Корела оказалась захвачена вихрем больших событий.

На Балтийско-беломорском севере сложились резкие противостояния, которые раньше не давали себя открыто знать.

Сложилось резкое противостояние Корелы и Ями. Оно вполне понятно, если принять в расчет даже только то, что укрепление Корелы на обширнейшей территории сильно стеснило деятельность Ями, возбудило военную активность в ее среде и ответную военную активность в среде Корелы.

Рядом, однако, сложилось и другое противостояние— Руси, ближайшим образом Новгорода, и Швеции. Это противостояние питало и противостояние Корелы и Ями: за спиной Корелы была Русь, ближайшим образом Новгород, а за спиной Ями оказалась Швеция. Противостояние Руси и Швеции началось раньше, чем приняло военные формы, в частности раньше, чем Швеция организовала свой первый крестовый поход в „Восточную страну".

Возникновение противостояния Руси и Швеции было той силой, которая окончательно сблизила Русь и Корелу, но, с другой стороны, оторвала от Руси Ямь.

В 1143 г. Корела оказалась в поле зрения летописи: „В то же лето ходиша Корела на Ямь". В 1149 г. она уже была в составе Русского государства („Тоя же зимы Изяслав поиде на дядю своего Юрия за обиду новгородскую, а с ним брат его Ростислав со смольняны и с новгородцы и с псковичи и с корелы"— Корела уже приняла участие во внутренних делах Руси).

Уже в составе Руси Корела встретила бурю, принесшуюся с запада.

В 1156 г. шведский король Эрик Эдвардсон („Святой") высадился со своим крестоносным войском на юго-западе современной Финляндии и построил замок Або (Турку). Суми пришлось подчиниться завоевателю. Ямь, хотя в своей войне с Корелой и опиралась на Швецию, оказала сопротивление. Однако она была „обречена". Корела выступила в роли передового отряда Руси.

Для Корелы началась полоса тяжкой, кровавой многовековой борьбы. Именно ей первой приходилось принимать на себя удары Швеции. Но она умела наносить и жестокие ответные удары.

Первоначально военные дела Корелы шли блестяще. Был даже момент (1188 г.), когда Корела, вместе с новгородцами, проникла в самое сердце Швеции и сравняла с землей важный шведский город Сигтуну. Шведы построили после этого новый город, Стокгольм.

Но на Русь обрушилось громадное несчастье—монголо-татарское нашествие, и это не могло не отразиться на Кореле.

Швеция стремилась использовать положение и предприняла новый большой поход на „Восточную землю", но в 1240 г. была на голову разбита на Неве Александром Невским. Однако после этого поражения она все-таки не ушла далеко. Она фактически обосновалась на земле Корелы по Финскому заливу и у оз. Саймa вместе с жившей здесь Корелой. Эта часть Корелы оказалась для Корелы потеряна. Еще далекая от привязанности к православию, эта часть Корелы относительно легко поддавалась обращению в католицизм и вовлекалась в сферу шведского влияния. Это возбуждало неудовольствие с русской стороны и соответственные меры. Именно так следует, кажется, понимать следующие

два сообщения летописи. 1259 г.: „Князь же (Ярослав) хотел ити на Корелу. И умолиша его новгородцы не ити на Корелу. Князь же отосла полки назад". 1278 г.: „Князь Дмитрий с новгородцы и со всею низовскою землею казни Корелу и взя землю их на щит".

Чтобы закрепиться на территории, угрожаемой со стороны Руси, шведы в 1293 г. построили замок Выборг. Шведы пытались закрепиться и дальше. В 1295 г. они продвинулись к самому Ладожскому озеру и построили крепость Корелу (на месте современного Кякисалми). Однако новгородцы вместе с основной частью Корелы, которая была не так пассивна, как Привыборгская Корела, уничтожили построенную шведами крепость, а ее шведский гарнизон истребили. В 1300 г. шведы, продвинувшись к устью Невы, построили крепость Ландскрону (у устья р. Охты), но новгородцы в следующем году уничтожили и эту крепость. Одновременно шведы принимали меры к созданию у основной части Корелы своей „партии". На руку шведам играло своекорыстное поведение князей и их служилых, поставленных над Корелой. Часть Корелы подняла в г. Кореле, восстановленной новгородцами, восстание и впустила шведов, но другая часть впустила новгородцев и истребила как шведов, так и изменников-Корелу. В дальнейшем Корела приняла участие в карательных предприятиях новгородцев против князя-виновника печального события.

Отношения между Русью и Швецией приобрели относительную устойчивость в 1323 г., когда в крепости Ореховец (переименованной Петром в Шлиссельбург, в настоящее время — Петрокрепость) был подписан Ореховецкий мир. По этому миру граница между Русью и Швецией прошла от р. Сестры у Финского залива вглубь Карельского перешейка до р. Вуокси, а оттуда, круто повернув на северо-запад, — к северной части Ботнического залива. В составе Руси остались: все окружение Ладожского озера, путь в Северную Приботнию и Северная Приботния. В распоряжении Руси было две сильные крепости, Корела и Ореховец, построенные на внутренних концах водных путей, ведших из Финского залива в Ладожское озеро. Строить крепости на внешних концах водных путей Русь избегала, так как такими крепостями могли воспользоваться противники. Понятно поэтому, что, когда Приботнийская Корела сама

построила крепость у устья р. Оулу, новгородцы ее ликвидировали.

Условия Ореховецкого мира постоянно нарушались Швецией, однако граница вновь и вновь восстанавливалась. В трудном положении оказалась, однако, Приботнийская Корела. Было время, когда она расцвела. Шведы жаловались, что она развернула по Ботническому заливу, а отчасти даже южнее, торговлю, которая нарушает интересы шведских торговцев. Но Северная Приботния не была защищена крепостями. Шведы постепенно фактически прибирали ее к рукам. Шведские духовные лица совершали по ней поездки, тщась обратить население в католицизм. Теперь это было, однако, уже не так просто: „успехи" католицизма ограничились „крещением" около десятка отдельных людей. Корела все теснее связывала себя с православием (хотя, правда, еще до первой половины XVI в. русскому духовенству приходилось бороться с остатками языческих обрядов).

Ореховецкий мир сыграл громадную роль в истории Балтийско-беломорского севера.

По западную сторону границы стал формироваться финский народ. В его состав вошли весьма различные этнические элементы: Сумь в целом, Ямь в целом и две группы Корелы—Привыборгская и Присайминская. Процесс слияния этих элементов шел не быстро. Еще в XVI в. шведским властям приходилось бороться с „русской закваской" в среде Привыборгской и Присайминской Корелы (массово сохранялись русские фамилии, русские обычаи и т.д.). Вполне финский народ сформировался только к XVII в. Большую роль при этом сыграло возникновение литературного финского языка. Он возник в середине XVI в. в связи с тем, что в Швеции вместо католицизма было введено лютеранство, одним из требований которого была всеобщая церковная грамотность на родном языке. Правда, всеобщая церковная грамотность в среде финнов фактически стала устанавливаться лишь в XVIII в. Однако даже постепенное приближение к ней играло громадную роль.

По восточную сторону границы стал формироваться карельский народ. В его состав вошли тоже разнородные этнические элементы—большинство групп Корелы и наиболее многочисленные группы Веси (на Олонецком перешейке). В стороне остались только некоторые территориально отдаленные группы: с одной стороны — Ижора,

а с другой стороны — некоторые группы Веси: Весь к северу от истока Свири у Онежского озера и Весь южнее Свири. Ижора с течением времени составила отдельную маленькую народность, сохраняющуюся до сих пор у южного берега Финского залива между Ораниенбаумом и границей Эстонии (есть одно ижорское селение и в пределах Эстонии). Указанные группы Веси с течением времени составили отдельную маленькую вепсскую народность.

О ходе формирования карельского народа мы скажем дальше.

7. Начало „исхода" Корелы на русские земли

Ярким выражением связи Корелы с Русью было то, что с самого возникновения шведского давления группы Корелы, большие и малые, стали переселяться вглубь русских земель.

Уже в середине XIII в. группы Корелы появились в восточном направлении. Они появились и на Олонецком перешейке среди Веси, и дальше. В 1251 г. одна группа Корелы зарегистрирована даже у Кубенского озера. Напомним о приключении белозерского князя Глеба Васильевича. Монахи жаловались ему на обиды не только со стороны местной Чуди, т. е. Веси, но и со стороны местной Корелы. Конечно, ряд пунктов на востоке, где поселилась в это время и несколько позднее Корела, остается незарегистрированным.

Появление групп Корелы на Олонецком перешейке среди Веси имело громадное значение для впоследствии развернувшегося процесса формирования карельского народа. С течением времени Весь и пришлая Корела на Олонецком перешейке сплавились. Трудно сказать, как быстро шло это сплавление. Сообщение летописи под 1338 г. — „Воеваша немцы (т. е. шведы—*Д. Б.*) с Корелою много по Обонежью" — оставляет неясным, что следует разуметь под Корелой — группу ли Корелы на Олонецком перешейке или уже нечто сплавляющееся.

Ореховецкий мир 1323 г. вызвал новую волну переселений Корелы. Небольшое число Корелы-беженцев („из-под шведов") появилось тогда у Невы. Но больше Корелы (с основной территории) стало переселяться в

другом направлении — в современную Среднюю и Северную Карелию.

До тех пор в этих местах Корелы было мало. Это были земли постепенно возникавших „лопских (т. е. лопарских) погостов“, самым южным из которых был Линдозерский на р. Суне, а самым северным — Панозерский на р. Кеми. Лопари отмечаются в этих местах и местными названиями (с. Лобское, т. е. Лопское, у северо-восточного берега Онежского озера, гора Лобская, т. е. Лопская, у северо-западного берега Онежского озера, невдалеке от его северной оконечности, и т. д. без конца), и письменными документами. Напомним о жалобе монаха Лазаря. Он жаловался на обиды не только Чуди, т. е. Веси, но и Лопи, — а дело касается юго-восточного побережья Онежского озера. В местах, где они наносили обиды Лазарю, лопари, впрочем, оставались недолго: они вскоре откочевали к „Студеному морю“.

Первые сведения о Кореле в современной Средней и Северной Карелии относятся к самому началу XV в., хотя появилась она здесь, несомненно, несколько раньше. Акты XV в. рисуют картину того, как Корела владела здесь рыбными ловлями, пахотными землями и т. д. Было ее здесь еще немного—пять родов. Интересно, указать, что эти роды продолжали роды, которые раньше были зарегистрированы на Карельском перешейке (это касается, например, рокульцев) или по названию были связаны с теми же местами (это касается тиврольцев, ср. на Карельском перешейке Tiurin-linna — Тиверский городок летописи). Неудивительно, что Корела тогда еще не рассматривалась как нечто характерное для местного этнографического „ландшафта“. Даже в XVI в. в списке народов Севера, вышедшем из стен Соловецкого монастыря, оказалась забыта местная Корела (упомянуты Ижора, Чудь, т. е. Весь, Лопь, каяне, т. е. Приботнийская Корела, мурмане, т. е. норвежцы). Современный Карельский берег Белого моря в Книге большого чертежа именовался еще Лопским берегом. Лопари долго сохранялись у Сумского посада, на южном берегу Белого моря, по р. Шуе (северной), по р. Керети, по р. Ковде, не говоря уже о Кандалакше.

В первые времена своего появления на новых местах Корела основала ряд селений по самому берегу Белого моря, на очень широком „фронте“ от Варзуги на Коль-

ском полуострове до селений на нижнем течении Сев. Двины. Но эти поселения как поселения Корелы не сохранились: Корела здесь ассимилировалась русскому колонизационному потоку.

Несравненно устойчивее оказались селения Корелы во внутренней части страны, западнее р. Выг.

Диалектологические данные отмечают в Средней и Северной Карелии три основных волны Корелы. Из них к описанному времени относятся две. Одна ныне представлена в диалектах, тянущихся от р. Суны до оз. Сегозеро. Другая ныне представлена в диалектах, тянущихся от оз. Сегозеро до оз. Ондозеро, во-первых, и в нижней части бассейна р. Кеми, во-вторых. По современному распространению диалектов нельзя судить о их распространении в прежние времена — картину изменила позднейшая третья волна, — но все же кое-что ясно. Есть обстоятельства (одно из них будет указано в примечании), которые заставляют думать, что первая волна явилась в Среднюю Карелию коротким путем, взяв направление, близкое к направлению на Олонецкий перешеек, но уклонившись на север (Олонецкий перешеек был уже достаточно заселен), и что эта волна была относительно ранняя. Второй волне приходится приписывать движение по беломорскому ответвлению внутреннего водного „карельского пути“ в относительно позднее время. Географические соображения заставляют связывать те акты XV в., которые исходили из Соловецкого монастыря, со второй волной Корелы. К каким именно событиям надо приурочивать каждую из двух волн, сказать трудно (если не входить в недостаточно обоснованные предположения).

ПРИМЕЧАНИЕ. Этническая терминология Карелии.

Современная этническая терминология Карелии отличается сложностью, отражая разные этапы заселения страны Весью и Корелой.

Важная особенность этнической терминологии Карелии та, что у всех групп населения названия соседних территорий и их обитателей (хотя бы сменяющихся) весьма устойчивы, но названия своей территории и самих себя легко поддаются заменам.

1) Когда Весь колонизировала Олонецкий перешеек, к югу оказалась территория Веси же, Vepsä, а к северу—территория лопарей, Lappi. Соответственно и южные соседи назывались Vepsä, а северные Lappi. Времена изменились, и к северу оказалась первая волна Корелы, однако установившаяся терминология сохранилась. Территория на юге попрежнему называлась Vepsä,

а территория на севере—Lappi. Соответственно южные соседи попрежнему назывались Vepsä, а северные (уже Корела)—Lappi. Такое положение сохранилось и тогда, когда среди Веси вообще стало распространяться самоназвание Л ю д и.

2) Когда первая волна Корелы колонизировала места между р. Суной и оз. Сеговеро, к югу оказалась территория Веси, Vepsä (еще без замены этого названия), а к северу—территория лопарей, Lappi. Времена изменились, и к северу оказалась вторая волна Корелы, однако установившаяся терминология сохранилась. Территория на юге попрежнему называлась Vepsä, а территория на севере—Lappi. Соответственно южные соседи попрежнему назывались Vepsä, а северные (уже Корела второй волны) —Lappi. Это сохранилось и тогда, когда у южных соседей вместо термина Vepsä стал распространяться термин Л ю д и. Та же терминология сохранилась и тогда, когда у Корелы первой волны началась смена самоназвания. А Корела первой волны, кроме наиболее отдаленной, у оз. Сеговеро, стала называть себя так, как ее называли южные соседи, т. е. Lappi (следы этого самоназвания сохраняются по всей средней и верхней Суне, а в полной силе это самоназвание сохраняется в современном Медвежьегорском районе). Получившееся положение вещей осложнилось в связи с тем, что Корела первой волны, расселившаяся по средней и верхней Суне, в непосредственной близости к тем, кто называл себя Л ю д и, втянулась в теснейшие экономические и культурные связи с последними и усвоила себе их этнонимическую точку зрения, т. е. стала называть себя чаще всего уже не Lappi, а Л ю д и, термин же Lappi стала связывать чаще всего с населением к северу от себя (различая просто Lappi по отношению к населению современного Медвежьегорского района и Suuri Lappi „Большая Лопь" по отношению к населению берегов оз. Сеговеро). На это население более северных мест реагировало тем, что этнонимически отделило „изменников" от себя, сопричтя их к тем, кого называло Vepsä.

3) Когда вторая волна Корелы колонизировала места к северу от оз. Сеговеро, к югу оказалась территория первой волны Корелы, Karjala, а к северу—территория лопарей, Lappi. Времена изменились, и по-соседству стала разливаться третья волна Корелы, о которой будет речь дальше, однако установившаяся терминология сохранилась. Такое положение сохранилось и тогда, когда у Корелы первой волны началась смена самоназвания (не охватившая, однако, ближайшей Корелы первой волны—у оз. Сеговеро). Так сохранилось и тогда, когда у Корелы второй волны произошла смена самоназвания. А Корела второй волны, кроме наиболее отдаленной—по р. Кеми, стала называть себя так, как ее называли южные соседи, т. е. Lappi (следы этого самоназвания сохраняются на территории между оз. Сеговеро и оз. Ондозеро). Эта терминология у Корелы второй волны, впрочем, неустойчива, все более подчиняясь точке зрения Корелы третьей волны, о которой будет речь дальше.

4) Когда третья волна Корелы разлилась по незанятым частям Карелии, к югу оказалась территория раньше прибывшей Корелы, Karjala, а к северу—территория лопарей, Lappi. Так все и осталось. Только в этом случае термин Lappi остался прикреплен к тем, к кому первоначально относился, — к лопарям.

8. События XVII в. Завершение „исхода" Корелы на русские земли

На перевале от XVI к XVII в. Корела оказалась захвачена новым вихрем исторических событий.

Россия была на перепутьи. Уже в эпоху Ивана IV Грозного ее потрясала жестокая социальная борьба. Вскоре разразился жесточайший социально-политический кризис (как говорили раньше — „смутное время"). Готовясь выйти на арену мировой истории как держава первой величины, Россия была, однако, временно ослаблена. Этим временным ослаблением стремились воспользоваться все враги России. Они начали бешеную интервенцию. В числе интервентов была Швеция.

Еще при Иване Грозном Швеция начала новый натиск на „Восточную страну". Запылала длившаяся десятки лет страшная война. Основная территория Корелы многократно выжигалась дотла. Корела гибла массами, находя убежища в лесах. На нее падала уже тень грядущей катастрофы. Тявзинский мир 1595 г., по которому Швеция получила в свое официальное обладание территорию по всем водам, стекающим в Ботнический залив, не создал мира. Огонь пылал вновь и вновь, меч почти не отдыхал. Беженцы из Корелы появились по всем путям, ведшим в Россию. Московские власти еще не знали, что делать с этим потоком. В моменты передышки делались даже попытки вернуть беженцев на оставленные места: было очень важно, чтобы на этих местах оставалось население, прославившее себя героическим сопротивлением Швеции. Но поток беженцев не прекращался. Он усиливался еще от того, что войны вызвали голод, распространившийся и за пределы театра военных действий, в Карелию, кроме южной ее части. Бежали и оттуда. Именно тогда первые беженцы появились в новгородских и тверских краях, прокладывая путь позднейшему „великому переселению", намечая возникновение современных так называемых калининских карел.

Когда социально-политический кризис в России достиг высшей точки, Швеция сумела проникнуть далеко за рубежи, которые до сих пор были для нее неприступны. Шведские войска шествовали даже по улицам Новгорода. Шведские отряды неистовствовали по всей Карелии, Северной, Средней и Южной, состязаясь с польско-литовскими отрядами. Что делалось на старых землях Корелы,

трудно описать словами. Однако Россия вскоре стала вновь подниматься. Подготовляя стремительное контрнаступление, начавшееся менее, чем через сто лет, она сумела заключить мирные договоры, связанные, правда, с большими потерями, однако существенно ограничившие аппетиты интервентов. Пришлось уступить Швеции на время всю старую территорию Корелы да еще Ингерманландию, т. е. земли по Неве и Финскому заливу, лишившись на время выхода к Балтийскому морю. Это печальное событие было оформлено Столбовским миром в 1617 г.

Та катастрофа, которая приближалась к Кореле, разразилась. У Корелы не осталось ни пяди старой ее территории, ее „гнездо" оказалось под пятой ненавистного врага.

Это был час великого испытания союза и дружбы Корелы с Россией. Корела героически выдержала это великое испытание. Она начала свое знаменитое „великое переселение". Она спасала свою освященную историей связь с Россией, свою „русскую закваску", которую так ненавидели шведы, свои русские имена, свой русский быт, свою русскую культуру. Имущество, кроме самого необходимого, бросалось на месте на разграбление. После прощания с родными могилами люди уезжали на новую жизнь, жизнь бок о бок с уже родным русским народом. Московская власть придала переселению организованные формы, переселенцам отводили земли. Тысячи и десятки тысяч людей стали двигаться по дорогам, ведшим на юго-восток, по рекам и озерам, ведшим на северо-восток. Заскрипели колеса бесчисленных телег, уключины бесчисленных лодок. Повторялось то, чего Европа не видела уже много-много веков, то, что Европа после великого переселения народов уже успела забыть.

Само собою разумеется, что переселение слагалось не в мгновенных формах. Люди переживали некоторый период сопротивления на местах. Людей некоторое время удерживала мысль о возможности перемены обстоятельств; массовое переселение было крайним шагом.

Самый значительный поток переселенцев направился в уже известные по сообщениям более ранних беженцев новгородские и тверские края, а отчасти и дальше — на Волгу и Оку. В 1627—35 гг. зарегистрировано 1.530 семей переселенцев на юго-восток, а в 1656—

1657 гг. — 4.167 семей, всего около 6.000 семей, т. е. приблизительно 30.000 человек. Эта цифра (особенно, если к ней прибавить незарегистрированных переселенцев) была по тем временам громадной цифрой — население России в те времена было во много раз меньше современного. Данный поток переселенцев окончательно оформил позднейших калининских карел.

Менее значительный, но весьма все-таки заметный поток переселенцев направился в Карелию, кроме южной ее части, — туда, где оставалось еще много незанятых мест. Эта третья волна Корелы в Средней и Северной Карелии хорошо выделяется по диалектологическим признакам. Ныне она диалектологически отмечается в Ребольском районе и севернее, а также в Ругозерском и Тунгудском районах, имея кое-какие отражения и в Кемском районе, где, однако, сильнее чувствуется вторая волна. Замечательно, что речь Корелы третьей волны в Средней и Северной Карелии до сих пор сохраняет исключительно близкое сходство с речью Корелы в Калининской области. Современный карел, скажем, из с. Ругозера в Средней Карелии при встрече с современным карелом, скажем, из с. Толмачи Калининской области почти не ощущает различия в речи. Это — свидетельство недавней даты „расставания".

Позднее всех двинулась в путь Приботнийская Корела, которая в своих северных местах испытывала шведский гнет в несколько ослабленных формах. Последние группы Приботнийской Корелы появились в современном Калевальском районе в начале XVIII в. Сто лет тому назад население Калевальского района еще хорошо помнило о своем переселении, умея во многих случаях указать, кто откуда пришел. Как пришельцев помнил себя, между прочим, род знаменитого певца рун Перттунена. Речь приботнийских переселенцев была речью третьей же волны Корелы в Средней и Северной Карелии, однако, с некоторыми особенностями, принесенными из Северной Приботнии, где Корела была в относительно близких отношениях с финнами.

На старых местах Корелы не стало. Если Карельский перешеек до сих пор называется Карельским перешейком, то только по старой памяти. Если территория между Финским заливом и землей к северу от Ладожского озера до сих пор называется Западной Карелией, то только по историческим причинам. Если население

этой территории подчас называется карелами, то не столько потому, что после „исхода“ Корелы эти места оказались заселены теми финнами, которые ведут свой род от отпавшей Привыборгской и Присайминской Корелы, сколько по географическому признаку (как, скажем, русские в Сибири называются сибиряками).

На местах, оставленных Корелой, шведские власти расселяли финнов, преимущественно из тех, которые вели свой род от Привыборгской и Присайминской Корелы. Так появилось современное население старых земель Корелы. Финнов же шведские власти расселяли в Ингерманландии. Так появилось финское население в современных приленинградских местах, предки современных ингерманландцев. Ингерманландцев нельзя смешивать с Ижорой, которая, как это уже указывалось, составляет отдельную маленькую народность.

Надо, впрочем, указать, что, когда Россия начала свое контрнаступление против Швеции, население Южной и Средней Карелии несколько продвинулось на незанятые земли на крайнем востоке бывших шведских владений, где еще не успели расселиться финны. Часть населения Олонецкого перешейка вошла в б. приход Салми и в соседние места, не достигнув, впрочем, меридиана г. Сортавала. Часть населения Средней Карелии, очень небольшая, вошла в непосредственно севернее расположенные места.

9. Ход формирования карельского народа

Мы уже говорили о том, что карельский народ сформировался из основных частей Корелы и тех частей Веси, которые заселили Олонецкий перешеек. Диалектологическая грань резко сказывается по сей день. Речь Олонецкого перешейка до сих пор по множеству признаков близка к вепсской речи, а в Прионежье отличается от вепсской речи совсем мало. Речь других заселенных карелами территорий сильно отлична от вепсской речи. Приладожские карелы, продолжающие в основном Весь, называются ливвиками, прионежские карелы, продолжающие в основном тоже Весь, называются людиками. Прочие карелы, продолжающие Корелу, называются собственно-карелами. Несмотря на диалектологическую пестроту, карелы сейчас и уже давно составляют единство. Каждый карел, будь он ливвик, людик или соб-

ственно-карел, сейчас и уже давно сознает себя карелом И русские, и финны, и другие народы сейчас и уже давно каждого карела, будь он ливвик, людик или собственно-карел, признают карелом.

Начало связывания разнородных этнических элементов, вошедших в состав карельского народа, было заложено еще в XIII в., когда группы Корелы появились на Олонецком перешейке. Имя Корелы, мужественного защитника северо-западных рубежей России, было именем, которое знали далеко и на Руси, и за ее рубежом. Это славное имя объединяло. Хотя в состав Веси Олонецкого перешейка влилось, вероятно, относительно мало Корелы, все же этого было достаточно для начала процесса связывания.

В эпоху феодализма процесс связывания не мог еще зайти далеко: феодализм, разрушая старые, племенные, объединения, не создавал, однако, новых, исключая объединения по территориально-административному признаку, неглубокие и непрочные. Новые, прочные, формы объединений стали возникать только тогда, когда начался промышленный подъем, предвестник капитализма. Так было по ту сторону русско-шведского рубежа, так было и по эту его сторону.

В XVI—XVII вв. в Заонежье, на большом полуострове, входящем в Онежское озеро с запада, и по соседству с ним возникла сильная металлургическая промышленность. В русском Заонежье было построено 3 железных завода, в ближайшем соседстве — 2. Тут же и далеко на запад и северо-запад возникло много пунктов кустарной обработки железных руд — почти во всех случаях рядом с их месторождениями.

Если взглянуть на соответствующую карту (в книге А. Линевского, В. Машезерского и В. Пегова „Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в.“, 1939), то поражает совпадение границ железопромышленного района того времени с современными диалектологическими границами. Границы железопромышленного района в точности соответствуют границам диалектологической области северных людиков (с. Спасская Губа и севернее) плюс диалектологическая область собственно-карел, продолжающих первую волну Корелы. Это вовсе не значит, что границы промышленного района создавались в соответствии с диалектологическими. Это значит, что население стягивалось (несколь-

ко сдвигая прежние диалектологические границы) в железопромышленный район.

В одном и том же железопромышленном районе оказались представлены часть карел Южной Карелии и часть карел Средней Карелии. Получился очень важный узел связей. Наиболее активную роль в этих связях сыграли северные людики. Они были ближайшими соседями русского Заонежья и главными проводниками его экономического и культурного влияния.

Диалектологическое влияние северных людиков ярко ощущается среди всех собственно-карел старого железопромышленного района, исключая разве наиболее отдаленную их часть, от оз. Селецкого до оз. Сегозеро. Собственно-карельские диалекты железопромышленного района с указанным изъятием вступили на путь „компромиссной" переработки многих языковых явлений. Особенно круто эта „компромиссная" переработка языковых явлений проявилась в ближайшем соседстве с северными людиками, по среднему и верхнему течению р. Суны. Здесь, между прочим, был найден выход из того противоречия между употреблением свистящих и шипящих согласных, которое существовало у северных людиков, с одной стороны, и у собственно-карел железопромышленного района, с другой; выход был найден в полном устранении шипящих **ш**, **ж**. Впоследствии здесь было даже усвоено северно-людиковское употребление **ш**, **ж** перед **и** (и в некоторых менее важных случаях).

Частично диалектологическое влияние северных людиков ощущается и далеко за пределами старого железопромышленного района. В ослабевающих степенях оно прослеживается не только по всей Южной Карелии, но даже у вепсов, а вместе с тем по всей Средней Карелии, до самых подступов к Белому морю.

Роль Заонежья в процессе связывания карел унаследовал Петрозаводск, основанный Петром в самом начале XVIII в. Этот административный, экономический и культурный центр имел еще большее значение, чем Заонежье. Проводниками его влияния были попрежнему северные людики. Роль северных людиков не ослабевала до последнего времени, и это до последнего времени имело диалектологические отражения. В высшей мере интересно, что сопоставление диалектологических записей A. Genetz'a по среднему и верхнему течению р. Суны и наших записей в тех же местах обнаруживает боль-

шое продвижение языковой людизации за последние 50 лет. Ко временам весьма нам близким надо относить распространение самоназвания l'uud'ikot у собственно-карел этих мест (еще не вполне забыто предшествовавшее самоназвание — Lappi).

Некоторые моменты в процессе связывания различных групп населения в единый карельский народ ждут дальнейшей исследовательской работы.

10. Карельский народ в позднейшие времена

С эпохи Петра I Россия, собрав силы, развернула стремительное контрнаступление против Швеции, захватившей жизненно важный для России и издревле ей принадлежавший выход к Балтийскому морю. Уже Петр I занял у Швеции, кроме других прибалтийских земель, Ингерманландию и значительную часть так называемой Западной Карелии. Вскоре граница России продвинулась до р. Kyminjoki (Кюмени). В 1809 г. к России перешла вся Финляндия.

Контрнаступление России не сопровождалось теми неистовствами, какими сопровождалось наступление Швеции. Никто не перекрещивал финнов. Никто не заставлял финнов делаться карелами. Никто не гнал финнов с насиженных мест, — а они утвердились там, где раньше обитала Корела. Больше того: Россия предоставила Финляндии широчайшую автономию. Только благодаря избавлению от давления шведской государственности в обстановке широчайшей автономии финский народ смог в короткий срок развернуть свою национальную культуру и стать наравне с культурнейшими народами Европы. Только в данной обстановке финский народ смог выдвинуть таких деятелей, как М. А. Кастрен, лингвист с мировым именем, или Э. Лённрот, всемирно известный собиратель и оформитель рун „Калевалы“ и в то же время влиятельнейший лингвист. То обстоятельство, что царская власть неоднократно пыталась ущемить автономию Финляндии, ни в малой мере не может быть отнесено на счет русского народа, который и сам на протяжении XIX в. все больше тяготился царской властью, чтобы наконец в XX в. ее свергнуть.

Развиваясь под сенью великого Русского государства, карелы ничего ни у кого не отнимали. Этот в старину

столь воинственный народ все больше входил в мирный труд, обеспеченный надежной защитой.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала карельскому народу те возможности развития, какие у него отнимались царской властью. Карелы сейчас во всем идут нога в ногу с русскими. У карел есть своя Карело-Финская Советская Социалистическая Республика, как у русских — своя Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Финский литературный язык, являющийся литературным языком у карел, пользуется теми же правами, что и русский, и на нем ведется преподавание в карельских школах, на нем печатаются газеты, журналы, книги. Карело-финское искусство и, прежде всего, изумительные по своей поэтической глубине и своей технике руны „Калевалы" пользуются высочайшим почетом и у русских, и у бесчисленных других народов Советского Союза.

Совсем недавно на долю карельского народа выпало новое тягчайшее испытание. Немецко-финские захватчики заняли большую часть территории республики, разрушили города и села, замучили тысячи верных сынов и дочерей народа. Но карельский народ с честью выдержал это испытание и теперь снова продолжает мирный труд на свое собственное благо, на благо Советского Союза, на благо всего человечества.

11. Карельский народ и Русское государство

Окидывая взором те сложные события, которые подготовили и обусловили сложение карельского народа, мы видим следующее.

В течение всего государственного периода истории Балтийско-беломорского севера, — а только этот период и имеет значение, когда мы оцениваем отношения наших дней, — все до единой племенные группы, которые ныне входят в состав карел, входили в состав Русского государства.— На этот счет невозможны никакие споры.

Формирование карельского народа протекло целиком не только на территории, но и в системе и под эгидой Русского государства, в союзе и дружбе с великим русским народом. — И на этот счет споры исключаются.

Карельский народ оказал громадные услуги Русскому государству. Он в течение многих веков принимал на свою

грудь первые удары жестокого врага России — Швеции. Его селения десятки раз пылали от одного конца его страны до другого. Принесенные им человеческие жертвы неисчислимы. Когда настал час катастрофы, он не остановился перед тем, чтобы оставить страну предков и уйти из-под шведского ярма на русские земли — подвиг, на который могли вдохновить только глубокая вера в Россию, глубокое доверие к русскому народу, глубокая привязанность к русским формам быта и культуры. — Кто может против этого спорить?

Со своей стороны, русский народ не обманул чаяний карельского народа. Он никогда не проявлял высокомерия по отношению к народам, с которыми его связывала судьба, никогда никого морально не принижал, ко всем относился, как старший брат. Он никогда не презирал чужих языков, никогда не преследовал чужих обычаев, если только они не претили его моральному чувству. В первые времена он желал от своих младших братьев только одного — православия как признака связи с русской государственностью. Однако, распространяя православие, он не прибегал к тем формам насилия, какие процветали в католических странах, — к крестовым походам, к инквизиции и т. д. Позднее он перестал добиваться у своих младших братьев даже православия уверенный, что связь с русской государственностью устойчива и без всяких внешних признаков. Он сумел воспитать настоящий союз и дружбу бесчисленных народов. Он создал новую форму братства национальностей, основанную не на общности крови и не на общности языка, а на общности государственной идеи. Он подчинил свое развитие великой миссии—распространению понимания новых отношений между людьми, чуждых всякой эксплоатации: эксплоатации народа народом, эксплоатации класса классом, вообще эксплоатации человека человеком, — направляя усилия людей на дружную борьбу за общее благо. В тяжелой обстановке пришлось русскому народу нести свою миссию: в течение многих и многих веков он непрестанно отбивал нападения со всех сторон, оттеснялся от морей и снова к ним выходил, отрезался от связей с внешним миром и снова их устанавливал, — и это не могло не мешать ему во многом. Но он нес свою миссию без колебаний. Без колебаний он несет ее и сейчас. Уже тридцать лет тому назад он устранил силы, которые мешали ему изнутри, и строит новые формы обществен-

ной жизни, где эксплоатация человека человеком исключена законом. Совсем недавно он, русский народ, под водительством великого Сталина, пронес свою миссию через пламя Великой Отечественной войны, устранив самые злые из тех сил, которые мешают ему извне. — Кто может спорить и против всего этого?

Карельский народ и русский народ, создатель Русского государства, — братья, младший и старший. Их братство скреплено кровью бесчисленных поколений, освящено общими усилиями по выполнению великой исторической миссии, выдвинутой русским народом. Это их братство будет жить и крепнуть вечно.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. Догосударственный период истории Балтийско-беломорского севера

1. Древние прибалтийские финны в I тысячелетии до н. э. 10
2. Древние прибалтийские финны до эпохи возникновения Русского государства 12
3. Состав древних прибалтийско-финских племен к эпохе возникновения Русского государства 13

II. Государственный период истории Балтийско-беломорского севера

1. Возникновение Русского государства 19
2. Перемены в среде прибалтийских финнов в связи с возникновением Русского государства 21
3. Чудь 23
4. Деяния Чуди 26
5. Корела до середины XII в. 31
6. Корела до конца XVI в. 33
7. Начало „исхода" Корелы на русские земли . . . 37
8. События XVII в. Завершение „исхода" Корелы на русские земли 41
9. Ход формирования карельского народа 44
10. Карельский народ в позднейшие времена . . . 47
11. Карельский народ и Русское государство . . . 48

Отв. редактор В. С. Чепурнов

Подписано к печати 2 июля 1947 г. 3,25 печатн. листа. 3 учетно- издат. листа. Тираж 5000. Госиздат К-ФССР № 45. Заказ № 570. Е-01333 Формат бумаги 84 × 108 1/32.

Сортавальская книжная типография Управления полиграф. промышленности и издательств при Совете Министров К-ФССР, г. Сортавала, Карельская ул., дом № 32